

Виолетта Лосева Меня зовут Жаклин

Рассказы из прошлого и другие рисунки грустных дам

МЕНЯ ЗОВУТ ЖАКЛИН (вместо предисловия)

Давным-давно, когда копирайтинг еще не назывался копирайтингом, (а о франчайзинге, мерчендайзинге, стриминге и коучинге вообще никто не слышал), я писала просто рассказы и статьи.

Сейчас резко зачесались руки, чтобы как-то элегантно «подрихтовать» их, приукрасить, сделать более созвучными сегодняшнему дню, а, точнее, сегодняшней МНЕ...

Но... Я ж себя знаю (надеюсь, что знаю)))...

Стоит только начать — и камня на камне не останется от этих рассказиков, которые почему-то и зачем-то были написаны больше десяти лет назад...

К тому же нет ничего более нелепого, чем впихивать старые слова в новые формы и наоборот... Все равно что «перебивать дату» на этикетке...

Это продукты и услуги можно несколько раз переупаковывать, а эссе и новеллы))) — увы...

Кроме того, я просто пожалела их...

Пусть живут!

Не факт, что «с заплатками» получится лучше...

Это сейчас я веду себя серьезно, а пишу — легкомысленно...

Тогда все было наоборот...

Поэтому...

Пусть в прошлом остается все как есть. Его все равно не изменишь.

Итак,

*сегодня **МЕНЯ ЗОВУТ ЖАКЛИН** ...*

Почему?

Ну не Марфой же Поликарповной называться, в самом деле...

ДОМРАБОТНИЦА

1

— Элочка, посиди со мной.

Тамара говорит таким отрешенным голосом, что я решаю оставить уборку и, сняв резиновые перчатки, присаживаюсь на краешек кресла. Она сидит на веранде, засыпанной желтыми кленовыми листьями, и смотрит вдаль. Когда осень только началась, я пыталась сметать опавшие листья, но Семен Михайлович решил, что это ненужно — они так красиво смотрятся на земле и никому не мешают. И сейчас наш дом и двор просто утопает в листьях. Конечно, когда пойдут дожди, их придется убрать, но, пока что, я люблюсь вместе со всеми — мы живем как в сказке.

Тамара прямо просится на полотно: вытянув ноги в светло-розовых брюках и, слегка покачиваясь в плетеном кресле, она курит длинную сигарету, а на лице ее отражаются все муки мира.

— Как же я устала от всего этого, — она махнула головой в сторону дома, — иногда мне хочется собрать вещи и уйти куда-нибудь, где меня никто не найдет.

У меня на языке вертится «Что же мешает?», но, естественно, я молчу. Я понимаю, что у богатых людей тоже бывают черные дни, но не думаю, что

ей пристало изображать из себя страдалицу передо мной.

Наверное, я не права. Я-то уж точно знаю, что живется ей несладко, хотя девятьсот девяносто девять женщин из тысячи, наверное, просто мечтают о такой жизни.

— Элочка, скажи, в чем ты находишь утешение, когда тебе совсем невмоготу?

Я не могу сказать, что у меня совсем нет склонности к самокопанию, но Тамарины вопросы меня просто раздражают. Я ее не люблю. Но отвечать что-то нужно. Причем, нужно отвечать так, чтобы ей понравилось. Боже упаси затеять спор!

Я не люблю ее за то, что она красивая и богатая. Не люблю, потому что она имеет возможность считать меня прислугой. Хотя, если приходят гости, и кто-то пытается обратить на меня внимание, Тамара называет меня «девушкой, которая помогает по хозяйству». За три недели работы здесь она меня ни разу не обидела, ни разу не сделала замечание (хотя, конечно, было за что — я ведь не профессиональная домработница).

Сначала она меня просто не замечала. И вот в последнее время у нее стало появляться желание поговорить со мной по душам. Я и сама люблю порываться в женских проблемах, но в случае с Тamarой мне все время мерещится ее желание

услышать от меня что-то, что обнаружит мое восхищение или зависть. Наверное, если бы я сказала «вот бы и мне так», она была бы счастлива. Думаю, что понимаю я ее тоже очень хорошо, хотя стремление как-то зацепиться в этой жизни у нас с ней закончилось по-разному. У нее — удачным замужеством (правда, ее богатому мужу, а моему хозяину, скоро исполнится пятьдесят лет). У меня — работой горничной в их огромном доме. Но в чем-то мы, наверное, похожи, и она могла бы быть моей подругой, если бы не была моей хозяйкой.

Я считаю, что ее желание поговорить со мной о своей жизни выдает в ней отсутствие истинного аристократизма — английский лорд никогда не стал бы обсуждать с прислугой свою семейную жизнь.

— У тебя бывает такое состояние, когда тебе совсем ничего не хочется? — спрашивает Тамара.

— Бывает, — отвечаю я, понимая, что она не ждет моего сочувствия. Ей хочется рассказов о том, как плохо мне, чтобы на моем фоне почувствовать себя королевой, уставшей от развлечений и поклонников. Будь я немного хитрее, мы были бы в более теплых отношениях. Но, поскольку я просто физически не переношу, когда меня жалеют, я отвечаю коротко:

— Бывает, но редко.

На самом деле это бывает довольно часто. Но я не доставлю ей удовольствия. Тамара вздыхает.

— Хочешь сока? — она делает еще одну попытку «подружиться».

— Спасибо, нет, — отвечаю я, и слышу, как в комнате звонит телефон.

— Я отвечу, — Тамара лениво встает и, покачивая бедрами, заходит в дом. Роль страдальницы на сегодня закончилась. Я подхватываю оставленные стакан и пепельницу и иду продолжать уборку.

* * *

Находиться в их спальне мне как-то неловко, хотя я и имею полное право заходить туда, естественно, в дневное время. Почему-то мне кажется, что это спальня двух людей, которые не любят друг друга. Мне мешает огромное зеркало прямо напротив кровати, расположенное таким образом, что как ни повернись, ты все равно увидишь себя. Не думаю, что Семену Михайловичу в пятьдесят лет так уж хочется лицезреть свой далеко не юный животик рядом с молодыми формами Тамары. Наверное, это было ее желание — сделать из обычной спальни зал для презентаций. Но я, конечно, могу ошибаться.

Я смахиваю пыль с комода и складываю в шкаф выглаженное белье. Покрывало небрежно наброшено на постель и мне приходится его

поправить, а заодно и увидеть роскошную пижаму, небрежно засунутую под подушку. Я не знаю, что делать с этой пижамой — положить в шкаф, сложить на стуле, оставить под подушкой или бросить в грязное белье. Первое время, я, по-видимому, задавала слишком много вопросов по поводу того, что можно, что нельзя, и, поэтому, после того, как Семен Михайлович сказал мне «Делай, как считаешь нужным», я принимаю решения сама. Пусть лежит там, где лежала.

На туалетном столике тысяча флакончиков. Половину названий я даже не знаю. Мне очень нравятся Тамарины духи — единственный момент, который заставляет меня иногда побыть возле нее подольше. Я вижу несколько флаконов у зеркала и, нужно признаться, борюсь с желанием брызнуть на себя духами. Но сдерживаюсь. Думаю, что никто не заметил бы нехватки нескольких капель духов, а даже, если бы и заметил, они бы вряд ли стали поднимать шум из-за этого, но за три недели работы здесь, я уже вывела для себя несколько принципов, один из которых запрещает мне проявлять любопытство и пользоваться чем-то без разрешения.

Я оглядываюсь и опять вижу себя в зеркале на фоне идеального порядка в комнате. Они не заходят сюда целый день, но вечером, наверняка им будет приятно. Я пытаюсь полюбить свою работу. Я

убеждаю себя, что я работаю, чтобы людям было приятно зайти в комнату. Хотя где-то в глубине души, я понимаю, что СЛУЖИТЬ — это абсолютно не мое, и я отношусь к своей работе с определенной долей здорового юмора.

Я начинаю спускаться по лестнице и слышу разговор Тамары по телефону. Опять ситуация, с которой мне предстоит разобраться. Я, например, ненавижу, когда кто-то слышит мои разговоры, даже если это пустая болтовня. Я могу вернуться в спальню и побыть там, но я не знаю, как долго она будет болтать. Я могу постоять на лестнице и не слушать того, что она говорит. Я могу пройти мимо нее, но не знаю, понравится ли это ей.

Я выбираю второе и останавливаюсь на верхней ступеньке. Если она увидит меня здесь, она может подумать, что я подслушиваю.

— Завтра я не смогу, — тихо говорит Тамара, — только если с самого утра. После обеда у нас гости. Сегодня? Хорошо, сейчас запишу.

Она что-то пишет, прижав трубку к плечу, потом вырывает листок из блокнота и прячет его в карман брюк.

Я начинаю спускаться по лестнице и по ее напряженному взгляду понимаю, что мне ничего не полагалось слышать. Тамара провожает меня глазами. Я смотрю на нее одним из самых тупых взглядов и включаю пылесос. Мне осталось убрать

в холле и тогда можно ехать за продуктами.

— Я сегодня сама съезжу в магазин, — заявляет Тамара, — напиши мне список и я все привезу.

Я снабжаю ее полным списком того, что нужно купить, и вздыхаю с облегчением, закрывая ворота за ее ярко-красным Вольво. Я люблю ездить за покупками для них, мне нравится ходить по супермаркету и, не думая о том, что сколько стоит, покупать самые дорогие и красивые продукты, но сегодня мне хочется, чтобы она скорее уехала, поэтому я с радостью уступаю ей право съездить в магазин. Она так редко где-нибудь бывает, «бедняжка»!

Я люблю оставаться в этом доме одна. Тогда я хожу по комнатам и представляю, что это мой собственный дом. Я «расставляю» мебель так, как мне хочется, я «меняю» жалюзи на портьеры, я «убираю» из холла восемь из десяти картин, развешанных на стенах, я «оборудую» студию вместо спальни. В первый день он показался мне просто дворцом, потом, по старой привычке, я начала искать недостатки. Сейчас мне кажется, что этому дому не хватает заботливой руки — Семен Михайлович уезжает рано, приезжает поздно и занят совсем другими делами, У Тамары хороший вкус, и она очень тщательно следит за своим внешним видом и здоровьем, но у нее нет желания

дать этому дому уют. Я понимаю, что я для них — это просто элемент красивой жизни. Большой необходимости держать домработницу, равно как и садовника, у них нет.

Мне нравится наблюдать за ними. У Семена Михайловича двое детей от первого брака, первая жена, которая соответствует ему по возрасту, и куча родственников, которые рассчитывают на его помощь. Я пока что ни с кем не знакома, но надеюсь увидеть всю эту компанию в субботу на его пятидесятилетии. Пожалуй, всех, кроме бывшей жены. Хотя, я не удивлюсь, если он пригласит и ее — мне нравится его прагматический подход ко всему.

Я работаю здесь уже три недели. До этого я несколько лет была учительницей в школе, что, наверное, сыграло решающую роль в решении Семена Михайловича взять меня на работу — он, наверное, надеется, что Тамара когда-нибудь родит ребенка. Я додумалась до этого сама, после того, как он долго беседовал со мной, расспрашивая что я умею и знаю.

Да, индустрия подготовки гувернанток и горничных в нашей стране пока еще не развита, и, поэтому обеспеченным людям приходится выбирать себе прислугу из обедневшей интеллигенции, к которой я отношу и себя.

Тамара приезжает часа через три раскрасневшаяся, веселая, без следа унылости, которая была днем. Мы вместе достаем покупки из багажника, и она щебечет без умолка.

— Я купила новый гель для душа, сейчас покажу.

Я с видимым интересом рассматриваю покупки, тащу все на кухню и начинаю раскладывать по полочкам и шкафчикам.

Мне нравится, когда у Тамары хорошее настроение, но, выйдя в холл, я застаю ее опять в слезах. Она стоит у зеркала и дрожащими руками пытается прикурить. Мне хочется спросить ее просто «чего ревешь?», но, соблюдая нейтралитет, я вежливо киваю ей прохожу опять кухню. Тамара из тех людей, которые любят рыдать «на публику». Из меня, например, не выдавишь слезинки, если рядом кто-то есть. Не понимаю, как можно выставлять напоказ свои переживания, не говоря уже о слезах.

— Эля, если бы ты знала, как мне все надоело, — Тамара заходит на кухню, садится за стол и наливает две чашки кофе.

— Вы чем-то расстроены? — спрашиваю я.

— Садись, выпьем кофейку, — приглашает она и шепчет, — меня здесь все ненавидят.

— Кто? — я тоже перехожу на шепот.

— Все! — Тамара срывается на визг.

— Семен Михайлович вас очень любит, это видно, — осторожно говорю я.

— Я устала от такой любви. Он подарил себя всем. Им всем от него что-то нужно. На меня у него нет времени. Я не могу сидеть дома целыми днями... Я не для того выходила замуж, чтобы сидеть дома и смотреть в стенку. Мне некуда одеться прилично. Он никуда меня не водит...

— Наверное, он работает, — мягко замечаю я.

— Конечно, рабо-отает, — передразнивает она, — только когда что-то нужно Нике или Вадиму, то у него всегда находится время для них.

Ника и Вадим — это дети Семена Михайловича от первого брака.

— Это же дети, — говорю я.

— Ну и что? Я же не против того, чтобы они здесь жили! — возмущается Тамара.

Я дипломатично помалкиваю. Думаю, что даже если бы Тамара и была против, на решение Семена Михайловича это никак бы не повлияло.

— Тем более, — продолжает Тамара, — Вадиму уже девятнадцать. И он не ребенок. Я предлагала Семушке, чтобы он купила Вадику квартиру, а Ника могла бы жить со своей матерью!

Какая-то фальшь чувствуется в ее тоне, голосе, словах. Мне кажется, что ее предложения по поводу того, где должны жить его дети, не

встретят понимания у Семена Михайловича. И Тамара это прекрасно знает. Но для меня она продолжает играть роль капризной красавицы.

— Он успевает все. Встретиться с Аллой, хотя видит Бог, ей это не нужно. Поговорить с Вадимом, посидеть с Никой. И только моя очередь наступает в последнюю очередь, — Тамара понимает, что фраза получилась не слишком красивой и быстро добавляет, — До меня ему нет никакого дела.

Возможно, я несправедлива к Тамаре, но мне ее не жаль. Все что она говорит, звучит как-то неестественно. Что я должна отвечать? Опять плести сладкую чушь о том, как он ее любит? Я сомневаюсь, что Тамара сможет оценить Семена Михайловича, который сумел преуспеть в жизни и сохранить нормальные отношения со своей бывшей семьей. Я понимаю, что Тамаре не нравится его решение о том, что дети будут жить с ним. Ей гораздо лучше было, когда Ника и Вадим жили со своей матерью. Но теперь — и Тамара об этом знает — Алла уезжает во Францию — «Зачем ей Франция, этой старухе?», а «детишки» будут жить с папой.

Тамара еще раз всхлипывает и закуривает очередную сигарету.

— Они меня все ненавидят, — повторяет она уже более спокойно.

— Ну что вы, — говорю я, — просто к этому

нужно привыкнуть, — у него есть семья и с этим ничего не поделаешь.

— Его семья — это я, — убеждает меня Тамара, и я понимаю, что мне лучше вообще помалкивать. Иначе, разговорам не будет конца, — Я же не против того, чтобы он общался с детьми...

За окном кухни догорает теплый осенний день. Я вытираю стол и прощаюсь с Тамарой. Она смотрит на меня, как на человека, не способного понять всех ее переживаний. Но я — сама нейтральность. Тамара вздыхает и уходит. Листья продолжают падать, беззвучно опускаясь на чуть согретую осенним солнышком землю. Мне нравится тишина вокруг.

2

Я прислушиваюсь к себе... Не могу отделаться от чувства, что сделала шаг назад. Все-таки советское воспитание сделало свое дело — сфера обслуживания это сфера обслуживания. Хотя, по сути дела, чем отличается работа домработницы от работы, например, переводчика? В некотором роде, моя работа даже более творческая. Но все равно... Что-то давит. Ощущение того, что это явление временное, не проходит. Наверное, я никогда не пойму, как можно быть домработницей всю жизнь...

Я прихожу к Сереже. Это мой старый друг. Увлечение психологией привело к тому, что он оказался в полном андеграунде — работает сторожем, а в свободное от работы время проводит свои эксперименты. Когда я прихожу к нему, он заставляет меня пройти через «энергетическую рамку» — сооружение, напоминающее турникет в аэропорту, через который проходят пассажиры и который звенит по поводу и без повода.

Я не бросаю дружить с Сережей, хотя воспринимать его измышления с каждым разом становится вся тягостнее. Прежде чем устроиться на работу к Семену Михайловичу, я зашла к нему и получила ответ:

— Сегодня ты состоишь из 28 процентов злости, 40 процентов растерянности и 32 процентов протеста.

Обычно, после того, как человек проходит чберез его энергетическую рамку, Сережа бросается к своему компьютеру. Никому кроме него не разрешается заглядывать в экран. Т. е. каждый должен воспринимать его слова на веру и не сомневаться.

Иногда он заставляет постоять в рамке подольше. И тогда можно услышать его беспорядочное бормотание:

— Убрать сомнения... Прибавить уверенности в себе... Вычеркнуть напрочь

предрассудки...

Нужно сказать, что у большинства бывших сережиных друзей его увлечение вызывает улыбку или раздражение. Да и друзей у него не так уж много.

Сережа обижается.

Я скрываю улыбку и, поэтому достаиваюсь чести быть оцененной по всем статьям.

Неделю назад у меня было 12 процентов радости и 12 процентов отчаяния. На мой вопрос, как так может быть, Сереже не задумывается долго:

— Так бывает всегда. Радость не может быть безграничной. Человек, состоящий из одной радости — это не живой человек. У тебя такого, думаю, просто не может быть.

— Почему?

— Потому, что ты видишь то, что происходит вокруг. Ты никогда не замечала...

Сережа углубляется в расспросы. К своему сожалению я начинаю вспоминать случаи, когда чужая неприятность портила мне настроение на несколько дней, заслоняя полностью мои успехи — старушка в магазине, считающая копейки на дрожащей ладони, ребенок, которому не хватило денег на мороженное, девочка, отставшая от экскурсионного автобуса...

— Вот видишь? — говорит Сережа, — и это не случайно. Грань между нормой и отклонением

очень зыбкая. Да и кто имеет право устанавливать нормы?

Я не всегда понимаю то, что он говорит. Но иногда, предоставив себя его исследованиям, я вижу, что некоторые его мысли действительно подтверждаются разными жизненными ситуациями.

— Хорошо, — говорю я, — радость и огорчения — это понятно. Радость и грусть — это тоже, в какой-то мере, совместимо. Но радость и отчаяние? Как такое может быть?

— Они у тебя находятся на разных полюсах, — объясняет Сережа, — и то и другое занимает меньше четверти твоего сознания... Между ними — область перехода...

— А что в ней?

— Над этим еще нужно поработать, — отвечает мой друг и советчик.

Он долго смотрит в свой компьютер, и я тихо покидаю его квартиру. Я знаю, что его нельзя отвлекать во время работы.

3

Я всегда считала себя человеком, который излагает мысли на бумаге гораздо более успешно, чем в устной форме. Именно поэтому, в то время когда я оказалась в этом доме — достаточно далеко от интеллектуального труда — я и решила

записывать все, что происходит в семье, которая приняла меня на работу, и, которой я рассчитываю служить верой и правдой до тех пор, пока мне не надоест вытирать их пыль, покупать для них продукты, мыть места общего пользования и улыбаться всем без разбора, независимо от того, какое настроение у меня в данный момент.

Причина моего прихода в эту семью очень и очень прозаическая — после развода с мужем я оказалась у него «в долгу» и долг этот нужно выплатить в течение ближайшего года, иначе придется продавать квартиру и половину от вырученных денег отдавать ему. Естественно, после развода я оказалась перед выбором — работать, как и прежде, учительницей в школе с перспективой в один прекрасный день быть выставленной на улицу из собственной квартиры или идти зарабатывать деньги любым способом. Естественно, я выбрала второе, а добрые друзья помогли мне устроиться на не очень престижную работу, за которую хорошо платят.

Платит мне Семен Михайлович — прекрасный человек, которого я очень уважаю за то, что он за три недели общения ни разу не дал мне почувствовать, что я — прислуга, и даже выразил свое восхищение тем фактом, что я, молодая женщина, не «прилепилась» к очередному мужику, который мог бы решить мои проблемы, а сама в

поте лица зарабатываю себе на жизнь. В глубине души у меня тлеет надежда, что когда-нибудь Семен Михайлович разглядит во мне не только умение угождать ему и его домашним, но и некоторые деловые качества и пригласит поработать у него в компании. Но это, конечно, только мечты.

Семен Михайлович руководит большой компанией, дома бывает крайне редко и внешне напоминает классического бизнесмена — седой, красивый, в наглаженном костюме, строгий и немногословный. Он, по-видимому, хорошо знает цену себе, да и всем остальным тоже. Он в меру любит себя, много читает и хорошо знает дело, которым руководит. У него тонкие губы и сетка морщинок под глазами — наверное, в молодости он любил улыбаться, пока жизнь и положение не заставили его быть серьезным. Он невысок и накачан, насколько можно быть накачанным в пятьдесят лет и по его фигуре видно, что за ней тщательно следят.

От первого брака у него двое детей: Ника и Вадим. Его первую жену я видела только раз, да и то мельком, когда она приезжала к нему в новый дом и даже не посмотрела в мою сторону. Теперь я понимаю, что я не представляю для нее никакой опасности — его вторая жена, Тамара, является камнем преткновения в отношениях между ними.

Алле уже далеко за сорок, и это хорошо видно. Она модно одета и тщательно причесана, но туфли на низком каблуке и просторная блуза поверх дорогих брюк убедили меня в том, что она уже больше заботится о том, чтобы ей было удобно. Черты лица у нее мелкие и приятные. Она интеллигентна и высокомерна, как и полагается быть жене (даже бывшей!) преуспевающего бизнесмена.

По некоторым замечаниям садовника я поняла, что с Аллой Семен Михайлович прожил двадцать лет, и она была с ним рядом, «плечом к плечу» все время, пока он проходил период становления, делал ошибки, исправлял их и карабкался вверх. Она была ему верной подругой многие годы и — это вдвойне обидно — как только он стал на ноги, ей пришлось отойти в сторону, потому что появилась Тамара — существо очень красивое, жеманное и эффектное. Она вытеснила семью из сердца Семена Михайловича очень быстро. Мало того, он не просто встречался с ней, а развелся со своей женой и женился на Тамаре.

Как я поняла, именно для жизни с Тамарой Семен Михайлович и купил этот огромный дом. Но через несколько месяцев после развода, убитая горем Алла нашла себе работу во Франции (Тамара думает, не без помощи бывшего мужа) и, решила, что дети на время ее отсутствия должны переехать

к Семену Михайловичу.

Наш дом — я не могу отделаться от привычки называть его «нашим» — расположен в лесу, в 12 километрах от города и представляет собой супер-современный двухэтажный коттедж. Вокруг дома — несколько плодовых деревьев, живая изгородь, вымощенные кирпичиками дорожки и редкий осенний лес. В доме все очень новенькое, красивое и дорогое — на кухне блеск и серебро, в гостиной благородный полумрак, в спальнях — тишина и кругом — богатство, богатство и еще раз БОГАТСТВО. Даже туалетная бумага у них какая-то особенная — удивительно мягкая и с картинками.

Думаю, Тамара тоже не очень привыкла к подобной роскоши — иногда я застаю ее разглядывающей ту или иную штучку, из чего делаю два вывода — во первых, она тоже не из «богатеньких», и, во-вторых, она не принимала участия в создании этого дома.

Исходя из сведений, почерпнутых у садовника, а также по некоторым замечаниям Тамары и фотографиям, Нике тринадцать лет и это обычная худенькая, ничем не примечательная, девочка с длинными пепельными волосами и обычными для ее возраста причудами. Я надеюсь увидеть ее на праздновании пятидесятилетия Семена Михайловича, и еще я надеюсь, что она не

станет помыкать мной.

О Вадиме пока ничего сказать не могу. На фотографиях, которые мне показывала Тамара, это девятнадцатилетний, очень смазливый красавчик, с маленькими черными усиками и равнодушной усмешкой. Тамара так настойчиво пыталась мне внушить мысль о том, каким монстром является Вадим, что я поневоле, испытываю к нему некоторую симпатию. Если он так уж не нравится Тамаре, то, не исключено, что мы с ним найдем общий язык.

Завтра они приезжают в наш дом. Ника с Аллой отдыхали на Майорке и сегодня должны были прилететь. Вадим из Италии прилетел неделю назад, но к нам не заехал ни разу.

Завтра я их увижу, а послезавтра Семену Михайловичу исполняется пятьдесят, и мне хочется, чтобы первый праздник в этом доме запомнился им всем. Я постараюсь.

4

Восемь часов утра. Я подъезжаю к дому. Моя старенькая машинка едет медленно, но я умею радоваться мелочам — осень, теплое солнышко, радио Шансон. Что ни говори — дорога, как в сказке! У меня есть работа, которая во всем мире считается не менее уважаемой, чем все другие, у

меня есть новый костюм, который я надела сегодня первый раз, у меня сегодня первая зарплата, которая, я надеюсь, поможет мне смириться с непрестижностью моей работы. Я знаю, что это не навсегда.

Семен Михайлович вырубивает со двора. Я мигаю ему дальним светом и улыбаюсь. Он, как всегда, при галстуке и светлом костюме — седой, строгий красивый человек. Он кивает мне, и я активно машу ему рукой.

Я знаю, что Тамаре завтра предстоит трудный день. Именины Семены Михайловича — это первый высокий прием, где хозяйкой будет выступать Тамара. Она рассчитывает на мою помощь и я, конечно же, ей помогу.

А сегодня главное испытание — приезд детей. Тамара нервничает.

— Посмотри, все ли готово в их комнатах, — злобно говорит Тамара, — мне было велено проверить, достаточно ли хорошо пахнет в спальнях. Представляешь?

Я удивляюсь, как Тамаре удастся полностью скрывать свое отношение к ситуации, когда она говорит с Семеном Михайловичем. Если они рядом, кажется, что это самая любящая в мире пара.

— Я еще вчера все приготовила, — отвечаю я. Тамара не замечает моего костюма.

Я, конечно, надевала его не для нее, но

почему-то думала, что она обратит на него внимание. Этот костюм я купила месяц назад, но не надевала его ни разу — не было случая. В принципе эта вещь мне дорога, как воспоминание о тех временах, когда я могла считать ДЕНЬГИ, а не копейки. Я купила его, зная, что в ближайший год не буду делать никаких крупных покупок. Если только в случае острой необходимости.

Но за три недели моей работы в качестве домработницы я поняла, что, переступая порог этого дома, я оставляю свою шкалу ценностей где-то в саду и поневоле начинаю думать и действовать, исходя из понятий и правил постоянных обитателей этого дома. То, что было для меня дорогим и красивым в моей повседневной жизни, становится абсолютно неважным, стоит мне встретить Тамару или Семена Михайловича. У Тамары, наверное, таких костюмов целая дюжина, почему она должна заметить мой?

Я вспомнила, как покупала его — мое светло-бежевое чудо: узкая юбка до середины колена и короткий приталенный жакет, по аналогии с маленьким черным платьем, он висел у меня в шкафу под названием «маленький светлый костюмчик». Тогда мне казалось, что впереди — только уборка, грязные тряпки и упреки хозяев. А сейчас, нужно признаться, я могу сказать, что моя жизнь в этом доме вполне сносна — каждый из

обитателей — готовый персонаж какой-нибудь драмы, влажную уборку я делаю в перчатках, и я уже освоила почти все приспособления, которые есть в доме для того, чтобы облегчить жизнь хозяйки (я считаю, домработницы).

Тамара игнорирует мой наряд. Она сегодня надела темно-вишневую длинную юбку, которая ее полнит, а на лице — толстый слой косметики, но все как-то небрежно, как будто сделано впопыхах.

Она закуривает и присаживается возле меня на кухне. Перед ней — бутылка коньяка и маленькая рюмочка, совсем не коньячная.

Я молчу.

— Я имею право выпить, если мне кажется, что я вот-вот простужусь? — спрашивает Тамара, словно продолжая начатый с кем-то спор.

— Может, не с утра? — осторожно говорю я, хотя мне абсолютно все равно, в какое время дня она пьет коньяк.

— Эль, мне хочется уйти из дома, — говорит Тамара, — скажи, почему я должна их встречать, угощать, уделять им время?

Я молчу, стараясь не смотреть в ее сторону. Мне нужно переодеться — не буду же я делать уборку в светлом костюме?

— Мне нужно закончить пораньше? — спрашиваю я.

— Не спеши, — отвечает Тамара, — не велика

честь. Слушай, что ты как робот? Выпей кофе, расслабься.

— Спасибо, — говорю я. Пару дней назад я услышала, как Тамара рассказывала Семену Михайловичу о том, как мы с ней «баловались коньячком» — чистейший бред, я пила только кофе. Я понимаю, что она хочет как-то завуалировать свои пороки в его глазах и, как бы, призывает меня в свидетели. Но мне не нравится, когда кто-то что-то делает за мой счет. Тем более что Семен Михайлович не из тех, кто будет расспрашивать, а у меня так и не было повода объяснить, что я не пила его коньяк в частности, и не пью вообще.

Мне очень нравится «моя» кухня — она оборудована самой современной техникой. Тамара, кажется, даже не знает, как и что включается. Но я, кажется, не зря преподавала математику три года — техническая сметка у меня все-таки есть. Готовить на этой кухне — одно удовольствие. Я хочу, чтобы она скорее удалилась к себе, а я смогла бы переодеться, прибраться и начать готовить обед.

— Завтра с утра привезут все для ужина, — говорит мне Тамара, — посмотришь, всего ли хватает.

— Хорошо, — отвечаю я. Я привыкла отвечать за все. Если завтрашний ужин на мне — я должна была и составлять список блюд и продуктов, и тогда я была бы уверена, что всем

всего хватит. Но Семен Михайлович заказал все сам в дорогом ресторане, не привлекая к этому ни меня, ни Тамару, и, следовательно, я уже не смогу повлиять ни на что. Кроме еды, в ресторане заказаны два официанта, которые будут мне «помогать», как выразился Семен Михайлович. Я немного помучилась над вопросом, не стесняется ли он меня, но потом отбросила от себя эти глупые мысли. Обслужить тридцать человек, которых он пригласил — это, действительно, трудно.

— Представь, — говорит Тамара, — он пригласил и свою бывшую... Ты такое видела?

Я такого не видела, но сохраняю невозмутимый вид.

— Она сказала, что хочет его поздравить, представляешь? И он решил, что лучшего времени и места не найти, как пригласить ее сюда?

— Вы все равно будете на первом месте, а она — среди гостей, — осторожно замечаю я.

— Семушка называет это «высокие отношения». Я не понимаю, — Тамара подливает себе коньяку, — ему хочется, чтобы всем было хорошо. Представляешь?

Я представляю, и могла бы добавить, что Семену Михайловичу не только хочется, чтобы всем было хорошо, но у него еще и есть средства и возможности сделать так, чтобы всем было хорошо. Мне тоже кажется странным, что на дне рождения

будут присутствовать обе жены. С другой стороны — почему бы и нет? Необязательно бить посуду и делить вилки! Я еще больше уважаю его за это.

— Может быть, это не так уж плохо, — пытаюсь я защитить Семена Михайловича.

— А обо мне кто-то подумал? — вопрошает Тамара.

На кухне звонит телефон. Она поднимает трубку и голос, и даже выражение ее лица сразу же меняются. Теперь она уже не разъяренная львица, а обиженный ребенок.

— Да, Семушка, это я... Я не грустная... Хорошо, любимый.

У меня внутри все сжимается от страха, что она опять ляпнет что-нибудь о нашем совместном распитии спиртных напитков в рабочее (для меня) время. Но Тамара продолжает ворковать, не вспоминая обо мне:

— Да, мой котик, я все сделаю и за всем прослежу. Я тебя целую...

Если бы мне таким театральным голосом кто-то говорил по двадцать раз в день, что он меня любит, я, наверное, усомнилась бы в нормальности этого человека. Но Семен Михайлович влюблен и, видно, говорит что-то подобное в ответ. Тамара кладет трубку с видом победительницы.

— Конечно, меня нельзя ни с кем сравнить, — удовлетворенно вздыхает она, — придется

перетерпеть присутствие этой старухи. Но это — в первый и последний раз! Ничего...

Тамара встает и я, наконец, могу зайти в свою комнатку и переодеться. Моя комната располагается недалеко от кухни, и Семен Михайлович сказал, что я могу даже переночевать там, если вдруг мне придется задержаться допоздна. В комнатке есть маленькое окошко, в которое я вижу опадающий клен. Зимой, когда опадут листья, наверное, будет видна река...

Я снимаю костюм и минутку разглядываю себя в зеркале. Мы с Тамарой — ровесницы, нам обоим по 26 лет. Но Тамара — модель, и это видно не только по ее походке и жестам, это написано у нее на лице. Я — тоже высокая и довольно стройная, но я — не модель. Да и не это главное. Тамара поставила цель и пришла к ней! Правда, теперь она, по-видимому, не всегда знает, что ей делать с этой достигнутой целью. Но она сумела воспользоваться своей внешностью. А я — в домработницах. Каждому, видно, свое...

Я встряхиваю волосами, надеваю рабочий костюм и достаю пылесос.

5

— Ты готова к комплексному исследованию? — спрашивает меня Сережа.

— Сколько это займет времени? — отвечаю я вопросом на вопрос.

— Не задавай глупых вопросов, — обрывает он меня, — Речь идет не о времени.

Я начинаю злиться.

— У меня речь как раз идет именно о времени, — заявляю я, — если ты согласен уложиться в два часа, — я приду в воскресенье во второй половине дня.

— Я не могу обещать, что закончу по твоему звонку, — когда в голосе Сережи появляется сарказм, он становится похож на худший образец непризнанного гения.

— Тогда и я не могу обещать, что буду сидеть у тебя столько, сколько тебе нужно, — вредничаю я, — мне вставать в шесть утра в понедельник.

— Значит приходи в воскресенье с утра, — приказывает Сережа.

— И до вечера сидеть у тебя? — пересрашиваю я, но он не достаивает меня ответом.

Я считаю, что он мог бы достичь гораздо большего, если бы работал в группе единомышленников. Но он понимает, что группа — это зависимость, как минимум, друг от друга. Группа — это какие-то сроки, это согласованность, это обмен информацией. Поэтому он предпочитает трудиться в одиночку.

Его труд должен стать революцией в исследованиях человеческих качеств, свойств и состояний. Я не думаю, что ему удастся хотя бы издать свои наблюдения и исследования, не говоря уже о том, чтобы быть признанным в узкой среде.

Но я не разочаровываю его. Это бесполезно. Мне интересно общаться с ним и я понимаю, что у него не так уж много «подопытных кроликов», которые будут так смиренно нести на себе крест его экспериментов.

6

На вечеринке Тамара блистает — я еще не видела ее такой красивой. На ней шикарное почти белое платье, в волосах — заколка с бриллиантами (я, правда, не отличу на вид настоящие бриллианты от стекляшек, но Тамара говорит, что они настоящие), туфли — просто произведение искусства. Она похожа на невесту и на принцессу одновременно. Глядя на нее, вспоминаешь обложки дорогих гляцевых журналов — там всегда такие девушки — без единого недостатка. Каким бы боком она ни повернулась — она прекрасна. На лице, на этот раз горят только губы — нежным коралловым светом. Глаза почти не накрашены и от этого кажутся беззащитными. Голые руки — без единого недостатка, без единой родинки и

пятнышка — она держит с достоинством королевы.

Рядом с ней — Семен Михайлович. Он тоже в светлом костюме и его седина рядом с Тамариной юностью смотрится очень хорошо. В некоторые моменты он напоминает благородного отца, который привел свою дочь к первому причастию. Но, в целом, они выглядят как счастливая пара.

Двое официантов угощают гостей напитками, которые я без устали разливаю на кухне. Сюда же они приносят использованные бокалы, и я пытаюсь их мыть сразу же, чтобы все успеть. На свой новый костюмчик я надела передник, чтобы быть готовой в любой момент выйти к гостям (если понадобится) и в то же время не испачкаться и не забрызгаться водой (если придется оставаться на кухне).

Мальчики-официанты работают профессионально, молча и услужливо делают свою работу и почти не говорят со мной. Обслуживание, по-моему, в том и заключается, чтобы все было сделано, но никому не пришлось бы задумываться, как это сделано и когда.

Мне кажется, все идет хорошо.

Иногда ко мне на кухню заходит Ника и хватает что-нибудь со стола. На меня она не смотрит, считая, видимо, что может брать все, что она захочет. Ника — худенькая прозрачная девочка с акварельными глазами, напоминает хрупкую куклу. На ней джинсы и белая маечка — пока что

не знаю, то ли это принцип — ходить в джинсах, в то время как все остальные надели вечерние платья, то ли она хочет продемонстрировать свое презрение к компании. Возможно, просто некому было подсказать ей, что нужно надеть по такому случаю, но тогда мне уж точно нужно молчать в тряпочку.

Ника хватает со стола листики петрушки, которыми я украсила мясное ассорти и меланхолично жуёт, сидя на краешке стола. Мне, конечно, не нравится, что она сидит почти что на блюде, но я предпочитаю отодвинуть блюдо, чем сделать ей замечание.

— Устала? — спрашивает она и это, кажется, первый вопрос, который она задает мне со вчерашнего дня.

— Нет, — отвечаю я. Я никогда не придавала значения тому, как ко мне обращаются, на «ты» или на «вы», но сейчас мне не хотелось бы, чтобы Ника мне «тыкала».

— Отдохни немного, — предлагает она, глядя в пространство.

— Я — на работе, — вежливо отвечаю я.

— Ха, — Ника спрыгивает со стола, — думаешь, кто-нибудь это оценит?

— Надеюсь, да...

Она усмехается и, насвистывая, как мальчишка, двигается к выходу. Я понимаю, что ей некуда деться в этом большом доме. Взрослые

гости ею не интересуются, отец занят только Тamarой, детей не приглашали. У выхода Ника прихватывает бокал с шампанским и выходит на веранду. Я не знаю, можно ли ей пить шампанское, но, поскольку, ни в няньки, ни в соглядатаи меня не нанимали, опять молчу.

Ника прикрывает дверь неплотно, и я оказываюсь свидетелем диалога, который происходит у Ники с Вадимом возле кухни.

— Ну, как тебе это сборище разряженных идиотов? — спрашивает Ника.

Вадима я видела только мельком, но я знаю, что он одет в элегантнейший костюм, в одном из карманов которого мелодично звенит телефон. Он не отвечает на звонок, а говорит сестре.

— Все нормально. Как всегда.

Он, наверное, хочет дать ей понять, что для него такие светские рауты — дело обычное.

— Ты положил глаз на эту фифу? — спрашивает Ника, и я молю Бога, чтобы она имела в виду не Тамару. Ответ Вадима настораживает меня еще больше:

— Как можно! — Вадим добавляет: — Слушай, я голодный, как волк. Когда уже позовут к столу?

Ника фыркает.

— Все гости пришли не для того, чтобы пожрать, а чтобы полюбоваться молодой парой.

— Папашка сияет, — замечает Вадим.

— А поесть попроси тут, — Ника, наверное, кивает в сторону кухни, — у этой, как ее, кстати, зовут, я забыла?

— Не притворяйся, — говорит Вадим и заходит ко мне.

— Говорят, тут можно чем-нибудь пожить? — он кривляется, как подросток, что ему совершенно не идет.

Я воздерживаюсь от желания протянуть ему бутерброд и хвалю себя за это. Никогда нельзя выдавать, что ты что-то слышал.

— Вы что-нибудь желаете? — Я хочу произнести это нейтральным тоном, а получается, как бы с издевкой.

Моя издевка ему не нравится.

— Дай-ка мне что-нибудь пожевать, — говорит он пренебрежительно, хмуря свои красивые брови, и добавляет уже более мирно, — Плохо служишь — народ голодный!

Мне хочется ответить ему, что здесь командует Семен Михайлович, и платит мне тоже он, но я сдерживаюсь.

Довольный своим превосходством, оттого что он может говорить все, что ему вздумается, он улыбается. А я вынуждена (и он это видит) молчать.

Вадим берет с общего блюда кусок ветчины и,

противно усмехнувшись, удаляется.

Наконец-то все нагулялись по осеннему саду и расселись в столовой. Из кухни я слышу взрывы смеха и обрывки тостов, которые произносятся в честь именинника.

В середине веселья я слышу звонок колокольчика у ворот. Приехала Алла.

Она заезжает во двор, бросает машину у ворот и кивает мне. Достает цветы с заднего сиденья и идет в столовую. Я смотрю ей в спину, на которой написано предвкушение эффекта, который она собирается произвести, явившись на день рождения своего бывшего мужа.

Я слышу хор голосов: «О-о, Аллочка» и ее кокетливые слова «ну что вы, я — на минутку».

Я захожу в столовую и ставлю новый прибор. Место Аллы оказывается очень далеко от именинника, на другом конце стола.

— Аллочка, тост! — командует кто-то из гостей. Ее здесь знают почти все — много лет она была хозяйкой на таких праздниках.

— Ну что тебе сказать, милый, — Алла встает с бокалов в руке, а я замираю у стенки, глядя на лицо Тамары — она не такая опытная львица, как Алла, и явно проигрывает на ее фоне. Тамара смотрит в стол и крепко сжимает руку Семена Михайловича — так крепко, что захоти он вырваться, ему бы это не удалось. Семен

Михайлович, естественно, смотрит на Аллу. Я опять восхищаюсь им — ни один мускул не дрогнул на его лице, он, кажется, ничего не боится — ни неловкой ситуации, ни скандала. Алла наслаждается ситуацией: — Я желаю тебе счастья, милый. Чтобы твоя дальнейшая жизнь была ничуть не хуже, чем предыдущая. У нас с тобой начинаются новые времена! Давай пожелаем друг другу удачи!

Алла приподнимает бокал, и Семен Михайлович вынужден подойти к ней, чтобы чокнуться. Тамара покрывается пятнами и с явным сожалением выпускает его руку.

Он подходит к Алле и (я даже не заметила, почему) ситуация складывается так, что он вынужден (мне хочется так думать) наклониться к ней и поцеловать ее.

Тамара при этом смотрит на них презрительно, и я не знаю, какая сила заставляет ее держать вилку в руке, а не запустить ею в своего мужа, который целуется со своей бывшей женой.

Алла тоже тянется к нему губами, а потом заботливо стирает помаду с его щеки.

— Аллочка, ты прекрасно выглядишь, — выкрикивает кто-то из гостей и Аллочка улыбается с чувством полного превосходства над Тамарой и владея ситуацией.

— Я стараюсь, — произносит она, — ты же

знаешь, я еду в Париж на следующей неделе!

— Я всегда знал, что ты обскачешь Семена, — шутит кто-то, — Париж — это твой город!

Алла опять улыбается, молча соглашаясь.

Веселье продолжается. Я смотрю, все ли в порядке, мальчишки-официанты работают великолепно, и я понимаю, что мне здесь делать нечего. Уходя, я краем глаза вижу борьбу рук под столом — теперь Семен Михайлович хочет взять Тамару за руку, а она вырывается. «Детский сад!» — думаю я и ухожу на кухню.

Здесь хорошо. Самые большие блюда уже на столе и в кухне относительный порядок. Я наливаю себе кофе и смотрю в окно. Будет время, когда на таких праздниках главной героиней буду я. Нужно только подождать.

Мне жаль Тамару.

Но когда она забегает на кухню, на лице ее видна злость вперемешку с растерянностью — смесь весьма неудачная для ее нежного личика.

— Ты бы так сделала? — пристает она ко мне, — Ты бы приперлась на день рождения бывшего мужа?

Гости отлично веселятся без Тамары. Наверное, никто даже не заметил ее отсутствия. Вдоволь налюбовавшись ее красотой, они перешли к веселому разговору, а Тамаре стало скучно.

Я, практически, не поддерживаю со своим

бывшим мужем никаких отношений, поэтому мне трудно ответить на ее вопрос. Не думаю, что Алла ловит кайф от этой вечеринки, но ей явно нужен был этот ход. И она знает, что делает. Тамара, как многие красивые женщины, умом своим может дойти только до половины дела. Глубины чьего-то коварства ей недоступны. Она и со своим-то разобраться не может до конца. Мне жаль ее, но думаю, сейчас моя жалость ей не нужна.

— Ни стыда — ни совести, — полыхает Тамара.

— Вы такая красивая, — осторожно говорю я, не зная, как ее утешить.

— Слушай, давай будем на «ты»? — неожиданно предлагает Тамара? — Когда мне говорят «вы», я чувствую себя в возрасте Клары Цеткин.

Я мало что знаю о возрасте Клары Цеткин, но понимаю, что Тамаре сейчас не хватает подружки ее возраста — гости все гораздо старше и им удобнее считать Аллу женой Семена Михайловича.

— Хорошо, — соглашаюсь я. Действительно, так гораздо проще.

— Ну что делать, скажи? — спрашивает она.

— Будь рядом, — советую я.

— Да устала я изображать такую дурочку-лапочку, — вздыхает Тамара. — Она, стерва, знает, что делает. Детки-то ее остаются

здесь. Нет, подумай, как тебе это нравится? Она решила прокатиться в Париж, а детей бросает тут!

— Она оставляет детей отцу, — осторожно замечаю я, — наверное, имеет право.

Я уже жалею о том, что мы перешли на «ты» и о том, что она-таки вынудила меня говорить об этом. Мое мнение в этом случае не значит ничего. А отношения с Тамарой я портить не хочу.

— У всех есть права! У всех! И только я здесь не имею никаких прав! — возмущается Тамара.

На кухню заходит Семен Михайлович. Он спокоен и доброжелателен. Я смотрю на него взглядом верной собаки и жду указаний. Он, видно, чувствует мой немой вопрос и говорит спокойно и ласково:

— Эля, все идет просто прекрасно. Вы — молодец. Организация — на высшем уровне. Все очень довольны.

Я вообще-то не старалась устроить здесь деловое мероприятие, где можно было бы говорить о «прекрасной организации», но я понимаю, что он хотел сказать — просто он привык выражаться таким деловым языком.

— Спасибо, мы стараемся, — лепечу я.

— Тамарочка, Алла собирается уходить, — говорит Семен Михайлович, — Ты не хочешь попрощаться?

В этом вопросе концентрируются все его

чувства — собственнические по отношению к Тамаре, уверенность по отношению к ситуации, сдержанность и (мне хочется так думать) уважение по отношению ко мне.

— Ты считаешь, это нужно? — спрашивает Тамара.

— Я считаю, это будет прилично — если хозяйка дома попрощается с гостьей, — подчеркивает он, как бы подсказывая ей, как нужно себя вести.

— Если ты так думаешь... — Тамара скромно тупит глазки и надевает на себя маску милой маленькой девочки.

Я смотрю на Семена Михайловича, не зная, нужно ли мне выходить говорить «до свидания» его бывшей жене. Но он не замечает моего взгляда, а, может быть, он и сам не знает, как мне нужно поступить — у него ведь не было до меня домработниц.

Они выходят из кухни.

Через некоторое время сюда заходит Алла. Она, кажется, с трудом сдирает с лица очаровательную улыбку и делает выдох.

— Ну вот, — говорит она, — со всеми попрощалась, теперь хочу вам сказать пару слов.

Я сжимаюсь внутри, но стараюсь не показать своего напряжения. Семен Михайлович сказал мне, что все прекрасно, значит так и есть!

— Вас, кажется, Оля зовут? — спрашивает она.

— Эля, — отвечаю я.

— Эльвира?

— Элеонора.

Я не очень люблю свое имя и предпочитаю краткий вариант. Моя подруга, по имени Катя Иванова, никогда меня в этом не понимала. Но сейчас мне приятно произнести свое полное имя — с таким именем я могу не иметь фамилии, как королева.

Алла подыгрывает мне.

— Ого, — говорит она, — как красиво. Вы знаете, была такая актриса...

— Дузе, — подсказываю я.

На лице Аллы написано удивление от того, что я знаю имя актрисы. Во мне начинает говорить моя учительская жилка — пусть эта холеная дама знает, что я умею не только тряпку держать в руках.

— Я рада, Элечка, что вы работаете здесь, — задушевно говорит мне Алла. — Я, надеюсь, что вы позаботитесь о Нике и Вадике.

«О бедных детках», — мысленно я перевожу ее слова буквально.

— Я не могу рассчитывать, что Тамара уделит им должное внимание, — продолжает Алла и я замечая, что она тщательно подбирает слова — она ведь не знает, что я скажу Тамаре, — Детей у нее

нет, и я не уверена, что она сможет принимать участие в их воспитании. Семен Михайлович занят, — Алла перечисляет мне причины, по которым я должна заботиться о ее детях, которых она бросает для того, чтобы пожить в Париже, — В доме, как я вижу, еще много чего нужно доделать. Я думаю, вы справитесь. Особенно меня волнует Ника — она привыкла жить на широкую ногу, и это меня беспокоит. Я все-таки надеюсь, что Семен будет достаточно времени проводить с детьми...

Алла театрально прижимает мою руку к своей груди.

— Элечка, пообещайте мне, что вы позаботитесь о моих детях!

— Конечно, я постараюсь, — говорю я и не знаю, могу ли я вытянуть свою руку из ее цепких пальцев.

— Пусть для вас это будет не просто обязанностью, — вещает Алла, — полюбите их! Им было непросто, когда мы расходимся. У нас уже все позади. Мы простили друг друга. Но дети...

Я понимаю, что весь этот спектакль рассчитан на мое слабодушие. Вряд ли я смогу ПОЛЮБИТЬ этих «детей».

— Для вас это только работа, я понимаю, — опять вздыхает Алла, — но я умоляю...я умоляю вас, помните, что в этом доме есть люди, которым вы нужны...

— Я постараюсь, — еще раз говорю я и она выходит, смахивая несуществующие слезы с сухих ресниц.

Она прекрасна! Она «сделала» меня, как девочку, не выходя из роли.

В дверях она оборачивается и добавляет:

— Никочка любит, чтобы у нее в спальне пахло сандаловым деревом.

Мне очень хотелось бы узнать, как давно Никочка полюбила сандаловое дерево — думаю, что это случилось недавно, как раз с тех пор, как у Никочкиного папы появилась домработница. Но зачем мне язвить Алле? Я не увижу ее в ближайшие полгода. Она из тех, кто может сделать маленькую пакость напоследок. И теперь уже я подыгрываю ей:

— Конечно! Это прекрасно! Не волнуйтесь, я сделаю все, что в моих силах.

Я только не прижимаю ее руку к своей груди! А так, можно подумать, что для полного счастья в жизни мне не хватало только Ники и Вадима!

— Я надеюсь на вас, — провозглашает Алла, — я доверяю вам. Кому еще тут можно доверять?

Она уходит, и я, проглотив холодный кофе, опять иду посмотреть в столовую, все ли там в порядке. Я помогаю мальчикам собрать тарелки и бегу на кухню. Еще одно горячее блюдо — и можно

переходить к сладостям. Гости выходят в сад. Тамара в своем почти свадебном платье немного нелепо выглядит в сумерках. Я прямо чувствую, что ей должно быть холодно. После общения с Аллой мне хочется сделать Тамаре что-то приятное. Я прикидываю, какой из ее бесчисленных жакетов подошел бы к этому платью и останавливаюсь на белом жакетике из тонкого трикотажа. Я выношу Тамаре жакет и, стараясь не привлекать к себе внимания, подхожу к ней и Семену Михайловичу. На улице достаточно тепло, но в сумерках уже веет осенней прохладой.

Тамара занята разговором с пожилым человеком в костюме спортивного покроя и, поэтому, я протягиваю одежду Семену Михайловичу. И опять думаю, что делаю что-то не так. Но он кивает мне благодарно и улыбается. Все дамы одеты теплее, чем Тамара, он набрасывает ей на плечи жакет и целует в щеку.

— Спасибо, — говорит он мне и поворачивается к Тамариному собеседнику, — Эля — наш ангел-хранитель.

Я краснею и хочу скорее уйти.

— Спасибо, солнышко, — кокетливо произносит Тамара. Теперь, когда Алла уехала, она снова вскочила на своего любимого конька, и любит себя, — Элочка, еще вина!

И хохочет неестественно. Семен Михайлович

наклоняется к ней и говорит шепотом:

— Тамара, тебе хватит. Не переусердствуй.

— Ну, зайчик, — сюсюкает Тамара, — не бойся, я просто развеселюсь еще больше! Ты же хочешь, чтобы мне было весело!

Она прижимается к мужу, и он разводит руками:

— Ну что ж, Элечка, пожалуйста...

Я приношу им вино, даю команду мальчигом, чтобы они позаботились об остальных, и решаю обойти «вверенную мне территорию».

Ника качается на качелях-скамейке в беседке на краю сада.

— Ты не замерзла? — спрашиваю я, подходя к ней.

— Неужели непонятно, что я хочу побыть одна? — капризно спрашивает Ника.

— Я не хотела нарушить твое одиночество, — выдавливаю я из себя, — У тебя все в порядке?

— Пойди, спроси, все ли в порядке у этой куклы Барби, — советует мне девочка.

— Почему Барби, — спрашиваю я.

— Потому что у нее есть только грудь и задница, а мозгов — ноль, — отвечает Ника, — И ты это видишь. Просто трясешься за свое место.

Я делаю скидку на подростковый максимализм, но мне все равно очень обидно. Не думаю, что сейчас самое время воспитывать эту

девочку, да и кто я ей?

— Тебе ничего не нужно? — спрашиваю я.

— Нужно, — издевается Ника.

— Что? — спрашиваю я и стараюсь воспринимать разговор с ней, как упражнение на заданную тему «Ей не удастся вывести меня из себя».

— Мне нужно, чтобы все уехали, — отвечает Ника, — Мне надоело смотреть на них. Ты можешь это устроить?

Естественно, я не могу этого устроить ни для нее, ни для кого-то другого.

— Так чего же спрашиваешь? — говорит Ника.

— Если тебе что-нибудь понадобится, — продолжаю я, — Ты знаешь, где меня найти.

Нужно, наконец, как-то осадить ее. Ника понимает, что, вряд ли кто-то будет на ее стороне в таких капризах и, поэтому просто отворачивается.

«Хоть бы книжку почитала», — думаю я, — конечно, ей здесь скучно.

От беседки к дому ведет узкая тропинка. В саду уже темно и мне нравится шагать в темноте и слушать шелест листьев под ногами. Нам повезло с погодой. И день, и вечер были сухими и теплыми. Кажется, все идет хорошо?

Из темноты появляется Вадим и загоразживает мне дорогу. Когда он приближается ко мне, я

чувствую запах дорогого одеколона и смешанных напитков. Вадим сует в рот жвачку и окидывает меня оценивающим взглядом.

— О, привет, ты тут одна гуляешь?

— Я не гуляю, — отвечаю я, пытаюсь его обойти, — проверяю территорию.

Он хохочет громко от моей плоской шутки.

— Ты здесь лучше всех, — шепчет он, пытаюсь меня обнять. Я вырываюсь и почему-то тоже перехожу на шепот:

— Ты что, с ума сошел?

— Почему я сошел с ума? — его руки крепко держат меня за талию, — Ты получила инструкции от мамы? Нас нужно любить!

— Я не умею любить по инструкции, — говорю я только для того, чтобы что-то сказать.

— Пошли, поговорим, — он пытается увлечь меня в белеющую в темноте беседку.

— Там Ника, — шепчу я и тут же жалею об этом. Я не хочу, чтобы он думал о том, что я согласилась бы говорить с ним в беседке, если бы там не было его сестры. Но он думает именно так.

— Ну, тогда пошли в дом! — он уже совершенно беззастенчиво прижимает меня к себе.

— Слушай, отстань, — говорю я довольно мирно и вырываюсь.

— Я для тебя кто? — спрашивает он, — Папочкин сынок? Так я такой и есть! Слушай, все

как в сериале — бедная труженица гнет спину на буржуев и спит с хозяйским сыночком. Давай, я женюсь на тебе?

Я стараюсь не слушать его и ухожу быстрым шагом. «Он пьян, — говорю я себе, — забудь и не думай».

— Я тебе это запомню, — кричит он вслед, — пожалуйюсь папе.

Он не настолько пьяный, чтобы не чувствовать границы. Думаю, что его последняя фраза — это попытка пошутить.

Я захожу в столовую, и мы начинаем выставлять торт, мороженое, конфеты. Лично я уверена, что никто этого уже не будет есть, но предложить нужно. Мне очень хочется кусочек тортика, но я смотрю на мальчиков, которые смотрят на все угощения как на пустое место и останавливаю себя. Они — профессионалы. Когда я предложила им перекусить, они посоветовали завернуть им с собой кое-что после праздника. Они знают, что за вечер получают немало и им не нужно портить о себе впечатление такими мелочами, которые они могут получить и не «с барского стола».

Не все гости возвращаются к чаю. Семен Михайлович и Тамара стоят у ворот и провожают тех, кто решил уехать раньше. Тамара опирается на его руку и лезет целоваться ко всем. Семен

Михайлович сдерживает ее и улыбается. Мне нравится этот тип мужчин — его невозможно опозорить, он всегда сам по себе. Тамара выставляет себя не в лучшем свете. А он — великолепен, как всегда.

К нашим воротам подъезжают водители гостей и такси. Кое-кто садится за руль сам и у меня мелькает мысль о том, что они будут остановлены на ближайшем посту ГАИ.

— Будьте осторожны в дороге, — напутствует их Тамара. Дамы машут ей, мужчины целуют ручки.

Когда последняя машина заворачивает за угол, Тамара с мужем идут к дому. Оставшиеся гости во всю угощаются сладостями — их развлекает Вадим. Оказывается, он не настолько уж и пьян. Он рассказывает анекдоты и кажется взрослее в этой солидной компании. Семен Михайлович бросает на него благодарный взгляд. Тамара тоже хочет выразить свою благодарность:

— Спасибо, Вадик.

И обращается к гостям:

— Вам не скучно? Я хочу танцевать!

— Нам не скучно, — отвечает за всех Вадим, — можешь пойти еще погулять.

Это могло бы быть шуткой, если бы не прозвучало так резко. Семен Михайлович смотрит на сына с осуждением. Тамара вспыхивает и

разваливается в глубоком кресле.

— Кто-нибудь поможет мне прикурить?

Вадим достает зажигалку и наклоняется к ней.

Поскольку я нахожусь рядом, я слышу, как она говорит ему сквозь зубы: «Погулять можешь пойти сам. А я здесь — у себя дома».

— Заметь, я — тоже, — говорит он вслух и улыбается отцу.

Семен Михайлович видит его улыбку и кивает в ответ. Тамара откидывает голову на спинку кресла. На шее видны вены — и лучше бы она этого не делала.

Семен Михайлович и Вадим идут провожать последних гостей. Они расплачиваются с мальчиками из ресторана и останавливаются перекурить на крыльце.

Что я могу поделать? У меня на кухне открыта форточка, и я опять слышу отрывок их разговора.

— Ну что, все прошло нормально? — утверждает-спрашивает Семен Михайлович своего взрослого сына. Его тон и голос просто обязывают этого шута отвечать серьезно.

— Да, неплохо, — отвечает Вадим.

— Как тебе нравится дом? — спрашивает отец.

— Шикарно! — Вадим затягивается глубоко.

— Как ты вообще относишься ко всему? — спрашивает Семен Михайлович.

— А что? Пусть матушка проветрится! Все нормально! — спокойно говорит Вадим.

— Я тоже думаю — все ДОЛЖНО быть нормально, — Семен Михайлович говорит твердо.

— И Тамара твоя — тоже ничего себе девчонка! — Вадим «не дотягивает» до отца. Ему все время хочется быть на равных и это чувствуется.

— Ну, тебе она — не девчонка, — смеется польщенный Семен Михайлович.

Они уходят с веранды, и я не слышу продолжения разговора.

Через час я готова уезжать. Уже полночь, но я решаю ехать домой. Мне предлагают переночевать, но я ловлю на себе взгляд Вадима и отказываюсь. Перед тем как уехать, я захожу в комнату к Нике и приношу ей ароматизатор.

— Мама сказала, что ты любишь сандаловое дерево, — я стараюсь говорить ласково.

— Я его терпеть не могу, — отвечает девчонка и отворачивается к стене. Я желаю ей «спокойной ночи» и спускаюсь вниз.

Семен Михайлович благодарит меня за прекрасный вечер.

Я еду по ночной дороге и думаю о нем. Мне повезло с работодателем. Желтые листья продолжают падать на дорогу.

Я лежу на продавленном диване в Сережиной комнате. К моим рукам, ногам и голове подключены какие-то датчики.

— Не засыпай, — говорит Сережа, видя, что глаза у меня закрываются.

— Разговаривай со мной, — прошу я, — рассказывай, что ты там накопал...

— Если я буду разговаривать с тобой, — Сережа говорит, не отрываясь от монитора, — то зачем вообще все это? Лежи.

У меня чешется кончик носа и я пытаюсь пошевелиться.

— Не дергайся, — шипит Сережа и я замираю. Я уважаю чужой труд.

Он бормочет:

— Почему у тебя всегда печаль занимает столько места? А агрессивности нет вообще.

— Наверное, это категории из разных сфер, — говорю я, стараясь не шевелить губами, — и их нельзя ставить рядом.

— Ты не знаешь, что такое матричный подход, — говорит Сережа, — если бы только могла представить, сколько в тебе всего намешано.

— А в других не так? — спрашиваю я.

— Не так, — коротко отвечает Сережа, — тоже много, но не так.

— А себя ты изучаешь?

— Да.

— И что получается?

— Я не рассказываю своим пациентам друг о друге...

— Так я же не о других, а о тебе.

— Замолчи, — говорит Сережа, — думай о себе. Вспомни что-нибудь хорошее...

Я закрываю глаза и пытаюсь вспомнить что-нибудь хорошее.

8

Напряжение в доме нарастает. Выпал снег и теперь мне поневоле приходится расчищать дорожку от ворот к веранде. У нашего садовника болит спина — и вообще он на особом положении, он друг отца Семена Михайловича — и я пару раз в неделю с веником и лопатой «прохаживаюсь» по дорожке. Мне не трудно, даже наоборот. Мне нравится такая работа — физические упражнения на свежем воздухе и вообще.

Алла звонит почти каждый день и, если трубку беру я, пытается расспрашивать о каждом из обитателей нашего дома. Ее в равной степени интересуют и дети и Семен Михайлович и, конечно же, Тамара. Причем, ей хочется узнать такие подробности, о которых мне не хотелось бы

говорить, даже если бы я их знала. Я стараюсь не подходить к телефону вечером, когда она обычно звонит, но мне не всегда это удается. Ей бы оставить их в покое!

Тамара тоже не горит желанием общаться с «этой бывшей» и несколько раз она просит меня сказать, что «никого нет дома». Я не могу сказать, что мне так уж трудно соврать, но если я вру, то делаю это обычно для себя, а не для кого-то. Семен Михайлович говорит с Аллой коротко и сухо и сворачивает разговор на детей, считая, что все остальное ее не должно касаться. Если трубку берет Ника, то мы слышим только «да» или «нет». Кто знает, чем там ее пичкает «дорогая мамочка».

Вадима, как правило, по вечерам нет дома и, поэтому, когда мы рассказываем ему о том, что звонила «мама», он нагло усмехается и говорит: «Ну, в следующий раз передайте ей от меня привет!»

Я чувствую, что они обижены на Аллу, хотя, на первый взгляд ни Ника, ни Вадим ничем не обделены.

С Вадимом мы встречаемся иногда утром. Он забегает на кухню проглотить чашку кофе и сказать мне какую-нибудь колкость. Если я молчу, он уходит быстро. Если я начинаю формулировать что-то в ответ, завязывается дискуссия, флигельный тон которой мне очень не нравится.

— Всегда мечтал о такой девушке — скромной, работающей труженице, — говорит Вадим, разваливаясь на стуле, — одеть бы тебя поприличнее — можно было бы приударить.

Я бы многое могла ему сказать в ответ, но пока молчу. Вадим продолжает:

— Ты бы купила себе что-нибудь новенькое, поярче. Посмотри на Тamarочку — блестит бриллиантами, как елка. Ей перьев в волосах не хватает...

Я вижу, какие взгляды он иногда бросает на Тамару, и в очередной раз убеждаюсь в мужской низости.

— Мне нравятся твои ноги, — Вадим пытается погладить меня по боку, — если надеть на тебя приличные колготки — ты будешь неотразима.

Я стараюсь не слушать его болтовню и продолжаю помешивать овсяную кашу для Тамары. Она очень тщательно следит за своим питанием, и я каждый день готовлю ей что-нибудь полезное и малокалорийное. Кухня залита ярким зимним светом. Голые ветки деревьев за окном покрыты снежком и у меня легко на душе. Минут через десять Вадим отчалит в институт и до его прихода все должно быть тихо и спокойно.

— Слушай, а чем ты занимаешься в воскресенье? — спрашивает Вадим, — читаешь умные книжки? Тебе никогда не хотелось пожить

настоящей жизнью? Отдаться настоящему мужику? Так же можно в девушках остаться до конца дней!

Он наверняка знает мою историю, но я не возражаю. Я стою спиной к нему и делаю вид, что его слова меня совершенно не касаются. Семен Михайлович уезжает раньше и сам варит себе кофе. Вот бы он решил забирать своего оболтуса с собой! Тогда моя служба в этом доме была бы просто приятной.

— Слушай, дай-ка еще кофейку, — Вадим, кажется, и не слышал, что есть такое слово «пожалуйста».

Самое смешное, что мне он не кажется злым. Просто он играет свою роль. Иногда фальшиво. Чувствуется, что папа «давит» на него своим величием. Мальчик понимает, что ему до папы бежать еще и бежать. Да и в итоге ему не никогда не быть таким, как Семен Михайлович. И это его злит. Для всех он — папочкин сынок. Наверное, в подростковом возрасте это его раздражало. Сейчас он решил подтвердить мнение о себе и подчеркивает при любом случае — да, я такой, да, будущее мое обеспечено, да, я избалованный и хамоватый. Имею право!

— Кофе ты варишь очень средненький. Наверное, привыкла пить растворимую дрянь?

— Сделать тебе бутерброд с собой? — спрашиваю я, чтобы он, наконец, уже заткнулся.

— Я сегодня обедаю в ресторане, — усмехается он, — знаешь, возле универа открыли замечательный рестораник. Для тебя, пожалуй, там дороговато, но готовят хорошо. Не сравнить с тем, что ты тут клепаешь для нас. Лучше бы папашка нанял повара... Конечно, я мог бы пригласить тебя в этот рестораник, но, ты же понимаешь, что за это нужно хорошо поработать...

— Ты опоздаешь, — говорю я не оборачиваясь, выключаю кашу и накрываю кастрюльку крышкой.

— ОК, — Вадим встает и обнимает меня сзади. У меня в руках ложка в каше, я поворачиваюсь, пытаюсь вырваться. Кухня у нас просторная, но для таких движений все-таки маловата.

— Испачкаешь меня — сама же будешь чистить! — шепчет он мне в ухо и пытается поцеловать.

Я, наконец, отталкиваю его, и он отстает без борьбы.

— Пока, Золушка. И кто это додумался назвать тебя Элеонорой? — бросает он на прощанье и уходит. На кухне становится еще светлее.

Ника болеет и лежит у себя в спальне с температурой.

Я беру завтрак и иду к ней. Мне немного трудно подниматься по лестнице с подносом — и

как это официанты умудряются ничего не пролить?

Ника болеет уже третий день и с каждым днем относится ко мне все мягче и мягче. Тамаре она откровенно грубит, и та старается без особой нужды не навещать свою падчерицу. О, Боже, какое сказочно-жестокое слово! Вадим, кажется, вообще забыл, что у него есть сестра. Если бы он не был таким нахально-задиристым, я бы сказала ему «Вас двое, и вы должны объединиться против этого жестокого мира. Раз уж вам обоим так нужно кому-то противостоять». Но он не заходит в комнату Ники и почти не встречается с ней. Обычно, Семен Михайлович подвозит ее к гимназии, но сейчас, во время болезни, они почти не видятся. Он уезжает гораздо раньше и приезжает, когда она уже, наверное, спит.

Я захожу в ее светлую комнатку и думаю — как, наверное, приятно понежиться в постели, когда за окном ноябрьский морозец, а у тебя есть полное право сидеть дома.

— Как дела? — спрашиваю я и ставлю поднос на тумбочку. Температура у Ники невысокая и она, конечно, могла бы спуститься вниз. Но она, как всегда, не горит желанием кого-то видеть и принимает мою заботу с благодарностью.

— Немного лучше, — отвечает Ника. Она только что проснулась, и в глазах ее еще остался сон.

— Еще не умывалась? — спрашиваю я.

— Сейчас умоюсь, — послушно говорит девочка и идет в свою ванную комнату. Как это здорово, когда у каждого своя ванная!

На Нике ярко-красная пижама с капюшоном и вся она такая маленькая и беззащитная. Я несу ей вслед тапочки.

— Не ходи босиком, — советую я.

— Спасибо, — шепелявит Ника, потому что во рту ее — зубная щетка, — папа уехал?

— Да, давно уже.

— Слушай, там где-то внизу моя тетрадка по физике. Притащи, а? — Ника тоже редко говорит «пожалуйста», но ее просьбы звучат как просьбы, и я не обижаюсь.

— Скажи конкретнее, где, — прошу я.

— Кажется, на столике возле вешалки, — поясняет Ника, — если эта дура никуда не засунула.

Мне не нужно иметь большой фантазии, чтобы догадаться, что «дура» — это Тамара. Она, практически, никогда ничего не убирает, но Никину тетрадку может спрятать нарочно. Такого еще не было, но мы с Никой знаем, что это может случиться.

Я делаю каменное лицо. Девочка не должна говорить такое при мне. Но не учить же мне ее, как нужно разговаривать с горничными. Тем более что сейчас я, кажется, единственный человек, с

которым она не в ссоре, не считая отца, которого она любит, но считает, что он ее предал.

Работая в этом доме, я все больше и больше понимаю, что семейные проблемы у всех одинаковы — только кто-то уезжает в Париж, а кто-то в Ивановку, кто-то не видит своего ребенка из-за работы, а кто-то из-за развлечений, кто-то бесится от бедности, а кто-то «с жиру».

— Чем сегодня будешь заниматься? — спрашиваю я.

— Да, пора бы вспомнить, чему учат в школе, — шутит Ника.

— Умница, — говорю я, — когда время дойдет до математики, зови меня. Можешь рассчитывать!

Ника целует меня в щеку — раньше такого не было — и я ухожу искать ее тетрадку опять с чувством жалости — она такая одинокая в этом доме!

На кухне сидит Тамара в светло-зеленом пеньюаре и с распущенными волосами — пьет кофе и листает журнал.

— Наверное, остыл уже, — говорю я, — давай сварю новый?

— Ерунда, я его разогрела, — отвечает Тамара. У меня нет богатого мужа, домработницы и такого дома, но я не стала бы пить разогретый кофе. Но — это ее право. Никак ей не удастся стать

по-настоящему «дорогой» женщиной. Наверное, это не только статус. Ей не хватает ПОРОДЫ.

— Я тебе сварила овсянку, — я протягиваю ей фарфоровую мисочку, — будешь?

— Давай, — Тамара вздыхает, — скоро уже ржать начну как лошадь от этого овса. Но, ничего не поделаешь — надо!

Я уважаю ее за это. Каждое утро Тамара взвешивается на супер-точных весах. Если прибавилось сто грамм — она тут же ограничивает себя в, и без того постной, еде.

— Хоть бы сахарку положила, — шутит Тамара, когда я подаю ей мед.

— Кушай кашу, кашалот, — шучу я в ответ.

Я люблю, когда у нее такое настроение. Она редко бывает веселой и открытой. Общение с Тамарой приучило меня к тому, что ее настроение может измениться в любой момент и поэтому я всегда настороже.

— Как там наша больная? — ее вопрос содержит в себе определенное количество яда. В подтексте — желание выяснить, навещала ли я уже Нику и не отдаю ли я предпочтение девочке, желание подчеркнуть, что больная — совсем не больная и нечего с ней так уж возиться. И, может быть, что-то еще, но я не успеваю понять, что.

— Наверное, совсем расхворалась, бедняжка, — язвительно произносит Тамара.

— Нике немного лучше, — замечаю я.

— Ах, как все рады! — в голосе Тамары слышится бессильная злость, — Подумаешь, простудилась. Нужно теперь, чтобы весь дом стоял в карауле у ее постели? Семен вчера просидел с ней весь вечер. Хотя она вполне могла бы спуститься вниз!

Наверное, ревность Тамары понятна. Но сейчас Нику мне жаль больше и я рада, что Семен Михайлович сумел уделить время девочке хотя бы поздно вечером.

— А потом опять звонила Алла, — рассказывает мне Тамара — я ведь уезжаю вечером домой и знаю не все «самое интересное», — если бы ты знала, как меня раздражают ее звонки.

— Но Семен Михайлович же говорит с ней только о Нике и Вадиме, — пытаюсь я смягчить ситуацию.

— Почему он вообще с ней говорит? Разошлись и разошлись — все!

— А дети? — глупо спрашиваю я.

— Скажи, чего не хватает этим детям? — спрашивает Тамара, — Чего им еще нужно? Они вообще не должны быть здесь! У Семена новая жизнь! Я не хочу жить с ними!

Мне, конечно, очень жаль, но я думаю, что, выбирая между детьми и Тамарой, Семен Михайлович выбрал бы детей. Хотя, кто знает. Кто

вообще может разобраться в чужой семейной жизни?

— Я сегодня еду заниматься собой, — сообщает Тамара, — маникюр, педикюр, парикмахер, визажист, массаж. Обедать буду в городе, так что на меня можешь не рассчитывать.

— Хорошо, — говорю я, — а ужин?

— Ужин — на твое усмотрение. Я могу не вернуться и к ужину. Семушке я позвоню сама, а остальным знать необязательно.

Тамара выплывает в коридор с сигаретой, но в дверях оборачивается:

— Кстати, я еще планирую встретиться с подругой и, возможно пригласу ее к нам на следующей неделе.

Я не знаю, зачем она говорит мне о подруге, возможно, для того, чтобы подсказать свою версию своего отсутствия, а, может быть, просто так, чтобы подчеркнуть, что у нее есть подружки.

— Желаю хорошо провести время, — говорю я и вспоминаю про тетрадку, которую обещала найти для Ники.

— Ну что ты так до-олго, — тянет Ника, когда я захожу в комнату. Такое впечатление, что она ничем не занимается только из-за отсутствия этой тетради. Я утешаю себя мыслью, что больные дети становятся капризными и нытье Ники — это следствие ее недомогания, а не пренебрежения ко

мне.

— Ты не возражаешь, если я включу здесь пылесос? — спрашиваю я. Я знаю, что в доме становится неуютно, когда затевается уборка или стирка и стараюсь делать это, когда в комнатах никого нет.

— Здесь чисто, — говорит Ника, и я понимаю ее.

— Смотри сколько крошек, — показываю я на ковровое покрытие. Во время болезни Ника ест, не вставая с постели.

— Может, веничком? — спрашивает она и смешно морщит нос.

Если я буду убирать этот дом «веничком», я не справлюсь с этим и за неделю.

— Ты что, пылесоса боишься? — я пытаюсь ее рассмешить. Она улыбается.

— Нет, просто так не хочется вставать... одеваться... вообще, двигаться с места... Врач сказал, что мне нужно вылежать неделю, ты слышала?

Я бы, конечно, ответила ей, что за те деньги, которые Семен Михайлович заплатил за вызов, врач мог бы прописать ей постельный режим до конца жизни.

— А врач не сказал, что кушать печенье в постели — это признак дурного тона?

Мне нравится, что мы можем говорить с ней

так по-дружески, не думая о том, кто она и кто я. Я не стремлюсь заменить ей мать, но, думаю, хорошая подруга ей тоже не помешает.

— Ну ладно, тебя не переспоришь, — ворчит Ника, выбираясь из постели, — я, пожалуй, спущусь и поем еще раз. Окей?

— Ты точно выздоравливаешь! — смеюсь я, — Appetit — это хороший признак! Не бери творог — он холодный!

Ника вприпрыжку спускается по лестнице. Я включаю пылесос и начинаю уборку.

9

— Ты будешь участвовать в моем новом проекте?

Глаза Сережи горят сумасшедшим блеском. Мы сидим в открытом кафе и я уже порядочно замерзла.

— Что за проект? — равнодушно спрашиваю я.

— Сначала согласишься, — просит Сережа. Вернее, не просит, а требует.

— Я не могу согласиться, если не знаю, на что я соглашаюсь.

— Ну а я не могу рассказывать тебе подробности, если ты еще не в проекте, — обижается Сережа.

— Тогда я не соглашаюсь, — отвечаю я равнодушно.

— Ну правильно, — Сережа откидывается в кресле и затягивается сигаретой, — Вот если бы нам заплатили побольше, если бы нас раскрутил кто-нибудь, если бы кто-нибудь все оформил.... Тогда бы мы согласились... Соизволили бы... А так...

Я не реагирую. Что толку?

— А ты хоть знаешь, сколько у меня проблем? — спрашивает Сережа, — Или тебе это не интересно?

— Ты же мои проблемы не решаешь, — говорю я, — так почему я должна знать о твоих.

Я говорю совсем не то, что думаю на самом деле. Самое смешное, что я уверена: Сережа знает, что я кривлю душой. Мне совсем не безразличны его проблемы. Несколько лет назад я была такой же: идеалы были для меня идеалами, актеры, снимающиеся в рекламе — предателями своей профессии, писатели, которые писали «для толпы» — просто преступниками, а музыканты, играющие в ресторанах — халтурщиками. Сейчас я научилась идти на компромисс с собственными убеждениями.

Думаю, Сережа тоже придет к этому, иначе его просто запишут в сумасшедшие.

— Так что же ты решила? — спрашивает он так, как будто я не дала ему ответ десять минут

назад.

— Сначала рассказывай, а потом я решу, — настаиваю я, — Может, это какой-то криминал.

Я, конечно, шучу: я не могу заподозрить Сережу в том, что он хочет вовлечь меня в какую-нибудь грязную историю.

— Я не могу рисковать своей информацией, — с пафосом говорит Сережа.

— Тогда я не понимаю, о чем мы говорим, — вяло возражаю я, — Я тебе ответила.

Я знаю, что ему без меня не обойтись. И он это знает. Но в самой глубине души. На поверхности ему кажется, что я просто набиваю себе цену.

Мне не нравится его важный тон. В такие минуты он становится еще более жалким, чем обычно. Но и подчиниться его требованиям мне не хочется сразу.

— Подумай хорошо, — говорит он мне, — потом, когда исследование будет завершено («Слово-то какое!» — думаю я), ты очень пожалеешь, что не приняла в нем участия...

— Я, кажется, достаточно, была подопытным кроликом у тебя, — говорю я, — так что не нужно...

Мы препираемся еще некоторое время и, конечно же, я соглашаюсь поучаствовать в эксперименте. Не потому что я не могу отказать.

Просто я понимаю, когда человек загнан в угол, даже, если он сам этого еще не видит...

10

Наблюдать за тем, как Тамара провожает мужа на работу — зрелище презабавное. Меня даже задевает то, как этот солидный, умный и дальновидный человек попадает на все ее «крючки». Я тешу себя надеждой на то, что он все видит в реальном свете, просто делает скидку на ее молодость и недостаток ума.

Тамара редко встает в такую рань. Но сегодня она, по-видимому, изображает декабристку, которая провожает мужа в Сибирь и собирается следовать за ним. Она бледная и усталая прямо с утра. Семен Михайлович тоже выглядит не лучшим образом — в его возрасте, наверное, бессонные ночи не способствуют цвету лица. Он явно нервничает и это заметно мне, но, кажется незаметно Тамаре.

Они стоят на веранде и она, в накинутом на плечи пальто, прижимается к его груди. Она что-то активно говорит ему, кивая головой, так, как будто провожает его на фронт. Я думаю, что он опаздывает, но не решается отнять ее от себя. Они целуются долго, и я начинаю замечать, насколько в этой сцене Семен Михайлович — не на своем месте. Поцелуи молодой пары на лавочке я

воспринимаю абсолютно нормально — мне в голову не придет обвинять их в чем-то, это их дело и ПРАВО! Так и Семен Михайлович имеет право быть сильным, жестким, центральной фигурой во всем!

Я стараюсь не смотреть на них, но поневоле отмечаю, что Тамара выглядит прекрасно — в сценах с поцелуями она как рыба в воде, каждое движение уместно. И еще я понимаю, что в таких ситуациях, наверное, не нужно слов. Наблюдая за ними сквозь стекло, я понимаю, что совсем неважно, что в этот момент говорит Тамара. Она — прекрасна! Хоть и немного фальшива.

Семен Михайлович сейчас какой-то слишком уж солидный, даже старый. Не годится ему целоваться на крыльце! Не годиться и все! Но он смотрит ей в глаза и, кажется, не может оторваться.

Наконец, Тамара отпускает его и, еще не выйдя из роли, топает ко мне. Сегодня она — верная боевая подруга, любимая жена с бытовыми проблемами.

— Полночи выясняли отношения, — с притворным вздохом говорит Тамара. Чувствуется, ей очень хочется поговорить о том, что происходит у нее ночью с Семеном Михайловичем. Будь у нее подруга поближе, наверное, она не приставала бы ко мне со своими откровениям, но подруги далеко, а я рядом, тем более, Тамара уже убедилась, что я

ничего никому не передаю, и, как ей кажется, не делаю никаких выводов, — Понимаешь, он в постели, такой же, как и в жизни — все делает серьезно и неторопливо. Я, конечно, любого могу завести, но и мне иногда хочется, чтобы мужчина проявил какую-нибудь фантазию.

Я киваю головой и молчу. У меня на доске разложены капуста, свекла, морковь и я варю настоящий борщ. Тамаре не нужен собеседник — ей нужен слушатель и я хорошо подхожу на эту роль.

— Представь, он хочет ребенка! — хвастливо говорит Тамара, делая вид, что Семен Михайлович хочет Бог знает что, — Как будто у него мало проблем!

— А ты не хочешь? — осторожно спрашиваю я. Мне положение Тамары не кажется очень уж прочным, и, я думаю, ребенок ей бы не помешал.

— Конечно, — рассуждает Тамара, — если будет ребенок, то можно нанять няню, но ты представляешь, во что превратится наша жизнь? Я и так его вижу только по большим праздникам, а уж тогда... Да и вообще... Я еще хочу пожить для себя.

Я продолжаю шинковать капусту и молчать.

— Слушай, — говорит Тамара, — чего ты все помалкиваешь? Мы же женщины! Чего ты краснеешь? У меня был один парень, с которым мы

проводили в постели по двенадцать часов подряд. И никто не уставал. А тут...

— И долго это продлилось? — спрашиваю я, задетая тем, что Тамара напоминает мне о том, что я — женщина. Во-первых, женщинам необязательно говорить о том, кто с кем спит, а во-вторых, я здесь работаю не женщиной!

— Длилось две недели, но запомнилось надолго, — смеется Тамара, — Будет хоть что вспомнить на старости лет! А у тебя? Расскажи что-нибудь!

Я пожимаю плечами. Мне есть, что вспомнить, но нет желания об этом говорить, тем более, с Тамарой. Я не люблю вспоминать прошлое, какое бы оно ни было, хорошее или плохое. Я откладываю в сторону овощи и собираю завтрак для Ники.

— Она что, не может сама прийти и поесть? — фыркнув, спрашивает Тамара.

— Она еще не совсем здорова, — говорю я.

— Можно подумать! — восклицает она, — две недели не ходит в школу и ты подаешь ей завтрак в постель!

Слушая Тамару, можно подумать, что она все делает самостоятельно. Сегодня она встала пораньше, и, поэтому, ей кажется, что все вокруг просто бездельники.

Я приношу завтрак Нике и спускаюсь вниз.